

будете избавлены отъ непріятной необходимости идти ради дружбы на неловкіе компромиссы. Вы, пожалуйста, не бойтесь, — прибавила она, — что въ вашемъ домѣ я позволю себѣ сдѣлать что-либо выходящее изъ границъ строжайшихъ приличій. Вы увидите, я буду сама любезность и само вниманіе.

— Я ничего не боюсь, — возразилъ Петръ Николаевичъ, — но я вижу, что вы выдумываете что-то непомѣрно дикое.

— Совершенно вѣрно, но моя выдумка подходит къ вашей, какъ прекраснѣйшій *pendant*. Вашу выдумку можно тоже подвести подъ разрядъ „дикихъ“. Вы этого не думаете? взгляните на вашу жену. Развѣ эта выдумка по вкусу Вѣрѣ? Скажите пожалуйста, какое счастье для порядочной женщины распинаться передъ какой-то красавицей, подобранной у столика какого-то кафе-шантана!

— Анна Игнатьевна!

— Что угодно, добрѣйшій Петръ Николаевичъ. Вы уже въ третій разъ съ большимъ пафосомъ произносите мое имя, а между тѣмъ въ словахъ оныхъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Мы съ вами люди новаго заката, мы слагаемъ нашу жизнь по волѣ нашего разума, — извила она. — Вотъ, напримѣръ, я; я отпустила мужа добровольно, съ полного моего согласія, и меня нисколько не возмущаетъ, что онъ мѣшетъ у ногъ „погибшаго, но милаго“ созданья. Васъ это тоже нисколько не возмущаетъ; иначе вы не пригласили бы ее въ свой домъ. Мнѣ одно интересно: что вы будете говорить дѣтямъ, когда они будутъ спрашивать, кто эта черная дама, которая пріѣхала и уѣхала съ мужемъ тѣти Анны? Вотъ и они! Дѣти, ступайте сюда, у меня для васъ что-то есть.

Дѣти подбѣжали; Анна стала раздавать имъ лакомства. Они полюбили Анну съ первой же встрѣчи. Она обращалась съ ними ласково и баловала ихъ гостинцами. Она много занималась ими, бѣгала съ ними до усталости или рассказывала имъ интересныя исторіи, которыхъ у нея оказался неисчерпаемый запасъ.

Внезапно оборвавъ свою рѣзкую рѣчь, Анна даже не взглянула на Петра Николаевича, а убѣжала впередъ и увлекла съ собою дѣтей.

— Какъ ты находишь Анну? — спросила Вѣра Андреевна.

— Дура, — лаконически и сердито отозвался Вепринъ.

— Ой, далеко не дура! — воскликнула Вѣра Андреевна.

— Ну, бросимъ ее, Вѣра; послушай лучше, что я дѣлалъ въ Парижѣ, — и Вепринъ сталъ рассказывать, что дѣлалъ, гдѣ былъ и съ кѣмъ видѣлся въ городѣ.